

С момента учреждения Оренбургской Епархии в 1859 году, ее епископы не расставались с мыслью видеть в Оренбурге духовную семинарию, из которой выходили бы пастыри-учители-миссионеры. Оренбургский край — страна инородцев: татар, киргиз, башкирцев, страна раскольников, различных сект и толков. Епископы видели, что среди такого населения даже христиане забывают свою веру, что без пастырей-миссионеров, хорошо подготовленных к своему служению, трудно не только обращать других в православную веру, но и поддерживать её среди христиан.

Мысль о необходимости Духовной семинарии для Оренбургской епархии окончательно созрела и начала осуществляться в управлении епархией Преосвященным Митрофаном, вступившем на Оренбургскую кафедру в 1866 г. которой он управлял 12 лет. Он умело руководил своими пасомыми и духовенством. Но все обстоятельства, с которыми ему приходилось сталкиваться или бороться, все более и более утверждали Преосвященного Митрофана в убеждении, что для Оренбургской епархии необходима своя семинария, без которой невозможно поднять на более или менее удовлетворительную степень православно-христианского совершенства такую во многих отношениях исключительную епархию, как Оренбургская. Поэтому он, начиная с 1869 года, в каждом своем годовом отчете об Оренбургской епархии настоятельно высказывает желание открыть в Оренбурге семинарию.

Не меньше Преосвященного Митрофана хотел видеть в Оренбурге Духовную семинарию генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский. В конце 1865 года он официально обратился к обер-прокурору Священного Синода с заявлением, что ввиду затруднений, встречаемых при замещении приходских должностей, для Оренбургской епархии необходима своя семинария. Именно Крыжановскому принадлежит официальный почин в деле открытия в Оренбурге Духовной семинарии.

Вторично обратившись в Св. Синод уже 6 декабря 1869 г. с официальным заявлением, что для Оренбургской епархии, весьма обширной по пространству, населенной множеством иноверцев, язычников, раскольников, снабжавшей духовенством русский Туркестан, своя Духовная семинария безотлагательно необходима. Он много раз лично беседовал с Преосвященным Митрофаном и, наконец, 5 января 1869 г. попросил его официально сообщить ему для какого числа воспитанников необходимо устроить в Оренбурге Духовную семинарию. Собрав предварительные сведения, Преосвященный Митрофан ответил генерал-губернатору, что семинарию надо устроить на 200 человек, а в числе положенных учебных предметов надо ввести историю раскола, татарский язык и мусульманство, ввиду местных потребностей Оренбургской епархии.

Ходатайствуя о постройке семинарии в Оренбурге, Крыжановский между тем распорядился о составлении проекта зданий для семинарии, а по изготовлении этого проекта, просил Преосвященного Митрофана дать свое мнение о пригодности составленного проекта. Только уже после всего этого генерал-губернатор сделал обстоятельное отношение к обер-прокурору Св. Синода в конце 1869 г.

Обер-прокурор Св. Синода 16 января 1870 г. дает отзыв, что он вполне разделяет желание генерал-губернатора относительно учреждения семинарии, но ввиду того, что на содержание ее потребуется до 40000 рублей в год, он высказал мысль о возможности оренбургским духовенством дать штатное содержание Духовной семинарии хотя бы в размере 25000 рублей в год. Крыжановский лично собирается ехать хлопотать относительно семинарии и просит Преосвященного Митрофана дать ответ о штатном содержании.

Преосвященный Митрофан немедленно сделал предложение членам Консистории. Первым отозвался на это предложение протоиерей Любочестнов и представил серьезный и обстоятельный проект, в котором подробно указаны и исчислены все возможные источники содержания будущей Духовной семинарии. Воспользовавшись данными проекта, Преосвященный Митрофан написал обширное воззвание ко всему духовенству своей епархии: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните Закон Христов...»

К чести духовенства Оренбургской епархии почти все оно сочувственно отнеслось к возванию Преосвященного Митрофана и предложило свои посильные средства для содержания будущей семинарии. Большинство из Туркестанских священников изъявили желание пожертвовать из собственных средств на постройку семинарии в Оренбурге.

Таким образом выяснилось, что вся епархия может доставлять ежегодно на содержание семинарии около 17000 рублей, о чем и было сообщено Преосвященным Митрофаном генерал-губернатору Крыжановскому.

Первым делом Преосвященный Митрофан выхлопотал у города место под семинарию; городское общество уступило его даром. Затем в 1872 г. последовало распоряжение Св. Синода о закреплении места под семинарию за духовным ведомством и составлении

проекта семинарских зданий на 200 человек учащихся, в том числе на 133 казеннокоштных. Составление проекта в Оренбурге и переделка его в Петербурге продолжались до 30 апреля 1876 г. Св. Синодом было назначено на этот предмет 328217 рублей 12 копеек из духовно-учебного капитала на счет строительного кредита, с предложением эту постройку отдать с торгов на законном основании.

Участвовать в торгах изъявили желание оренбургские купцы: Савинков, Кимберг, Белов, а из московских: Масса и Гуревич. Подряд остался за купцом Беловым, как запросившим самую меньшую цену — 28334 руб. 10 коп. По утвержденному с ним контракту, купец Белов обязался произвести постройки для семинарии в течение двух лет, к 15 октября 1880 г., но жестокий пожар 1879 года в Оренбурге заставил всех изменить планы относительно срока открытия семинарии. Была дана отсрочка на год.

Постройка семинарских зданий началась при Преосвященном Вениамине, викарии Воронежской епархии, перемещенным по указу Св. Синода от 16 июня 1879 года в Оренбург. Состав строительного комитета он сделал из числа местного духовенства.

Здания для духовной семинарии были заложены 15 сентября (по новому стилю) 1879 года. Сообщая об этом, «Оренбургские епархиальные ведомости» писали: «По распоряжению Его Преосвященства совершён крестный ход из всех церквей к месту семинарии. Таким образом, всё местное духовенство со святынями всех храмов собралось на священное торжество. Было совершено молебное пение с водоосвящением. Окроплено святой водой всё место и строительный материал. Лично Его Преосвященством совершена закладка семинарии. Вложена в основание металлическая доска с изображением главных участников в этом деле. Начальник губернии также положил камень. По примеру и приглашению Его Преосвященства ту же обрядность выполнили и прочие представители духовенства, других сословий.»

Отдельно можно рассказать о здании семинарии. Построено оно в псевдорусском стиле эклектики 2-й половины XIX века. В проектировании и строительстве семинарии принимал участие архитектор Оренбургской епархии Федор Дмитриевич Маркелов. Федор Дмитриевич родился в 1850 году. Образование получил в реальной гимназии города Николаева, затем, по окончании Строительного училища, получил звание архитекторского помощника и был назначен младшим инженером в Тамбов. В 1880 году

Федор Дмитриевич перешел в Оренбург на должность сначала младшего архитектора, затем - губернского архитектора, а в 1892 г. уже исполнял должность Оренбургского епархиального архитектора. За время работы в Оренбурге Маркелов построил множество зданий и сооружений различного назначения: мужское духовное училище, епархиальный свечной паровой завод, женское епархиальное училище, здание городского училища в г. Илецке, здание мужского училища в г. Уральске, соборный храм при женском Челябинском монастыре, каменную колокольню при Оренбургском женском монастыре, каменную церковь для единоверцев в г. Оренбурге, здание окружного суда. Занимался Маркелов и постройкой мостов. Так, например, по тракту от Оренбурга к городам Орску и Троицку было возведено до 30 мостов. В 1883 — 1884 гг. Федор Дмитриевич участвовал в строительстве здания Оренбургской духовной семинарии.

Трудно и долго строилась семинария, но результат радовал. В начале 1883 года сотрудник «Оренбургского листка» радовался: «Здание Оренбургской духовной семинарии готово, и особой комиссией из техников освидетельствовано во всех частях, причем оказалось, что постройки согласно смете произведены правильно, прочно и доброкачественно. Мы также осмотрели здание и нашли, что здание семинарии выстроено превосходно, а в некоторых частях даже роскошно. Квартиры ректора и инспектора, без преувеличения роскошны, спальни учеников превосходны, классы обширны, столовая светлая, залы просторны, а великолепный иконостас церкви и самая церковь по своей вместительности годилась бы для любого прихода. По этому поводу один из членов строительной комиссии при одном торжественном случае выразился, что «честь превосходной отделки семинарского дома всецело будет принадлежать подрядчику работ оренбургскому купцу Александру Афонасьевич Белову, который, начав постройку до пожара 1879 года, истребившего также и его имущество, не уклонился от обязательств и, несмотря на поднявшиеся после пожара цены на строительные материалы и на все прочее, кончил здание безукоризненно, так что и без преувеличения можно сказать, что в Оренбурге нет здания, равного семинарии по прочности и красоте. Этим зданием будут восхищаться путешественники, посещающие Оренбург». Действительно, подрядчик простой русский человек, сам чернорабочий, не пожалел своих средств и усилий исполнить как следует своё обязательство и, «взявшись за гуж», не сказал: «Я не дюж». П. Столпянский писал: Здание стоит на самом высоком и лучшем в городе месте. Виды из окон здания во все стороны поразительно хороши».

Но Преосвященному Вениамину не суждено было видеть семинарского здания оконченным, потому что в 1880 году по просьбе подрядчика Белова Св. Синодом дана отсрочка по постройке семинарских зданий еще на год, т. е. до 1882 года, а

Преосвященный Вениамин указом Св. Синода был перемещен на Черниговскую кафедру. На его место в Оренбург переведен тем же указом из Екатеринбурга Преосвященный Вениамин. При нем закончилось строительство и приготовлено было все возможное к тому, чтобы открыть семинарию еще в 1883 г., однако Св. Синод нашел необходимым отложить ее открытие до 16 августа 1884 года, так как в Семинарию не было назначено никого из начальствующих лиц.

К началу 1884 учебного года Св. Синод назначил ректором Семинарии бывшего преподавателя Уфимской семинарии протоиерея Феодора Алексеевича Дмитровского. По характеру о. Феодор был скромен и не гордился плодами своих трудов. Ревностный благоустроитель семинарии, он относился к сослуживцам всегда просто и сердечно, принимая самое теплое участие в их частной жизни: радовался их радостями и печалился их скорбями.

После назначения ректора, был образован состав Правления Оренбургской семинарии: инспектор — преподаватель Курской Духовной семинарии А. Я. Зеведеев, и секретарь правления — учитель Оренбургского Духовного училища Позднев. Согласно определению Св. Синода в Оренбургской Духовной Семинарии должен быть открыт лишь один первый класс.

26 августа 1884 года было освящение домовая церкви при Оренбургской Духовной семинарии, и состоялось ее открытие. Семинарская церковь, построенная в честь святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, была полна молящимися. Церковь строилась одновременно с семинарскими зданиями, На первых порах снабжал церковь иконами председатель строительного комитета, священник оренбургской Троицкой церкви Иоанн Александрович Разсыпнинский. Ко дню десятилетия семинарии он приготовил клише с изображением семинарских зданий.

Уважаемый и известнейший уже тогда, в России Кронштадский батюшка протоиерей Иоанн Ильич Сергиев 9 марта 1891 года прислал в семинарскую церковь через оренбургского купца Павла Алексеевича Путолова икону Скорбящей Божией Матери, список с чудотворной иконы Императорского стекольного завода в Санкт-Петербурге, чудесно прославившейся 23 июля 1888 г. Вслед за иконой была получена собственноручная записка отца Иоанна, на которой было написано: «Именем Господним благословляю поставить чудотворную икону Пресвятой Богородицы всех скорбящих Радости в церкви Оренбургской семинарии. Икона пожертвована купцом оренбургским Павлом Алексеевичем Путоловым. Протоиерей Иоанн Сергиев. 6 апр. 91 г.»

Один пожелавший скрыть свое имя благотворитель сделал на икону Скорбящей Божией Матери серебряную с золотым венцом в 12 золотников ризу; в венце было вделано 7 камней: три бриллианта и четыре розовых рубина. Он же 3 июля 1891 года пожертвовал в семинарскую церковь колокол в 20 пудов. Другой тоже не назвавший себя благотворитель для молитвы о своем покойном отце пожертвовал серебряный сосуд и дискос с приборами большого размера. Первая игуменья Успенского женского монастыря Таисия в 1884 году пожертвовала серебряный потир и дискос малого размера; были от монастыря и другие жертвования ризами, свечами, иконами. Много потрудились для монастыря монахиня Иулия в изготовлении риз и других церковных облачений. Протоиерей оренбургской Воскресенской церкви Никандр Николаевич Полидоров в 1884 году пожертвовал бархатную, шитую золотом плащаницу с ковчегом. Директор второго оренбургского Кадетского корпуса Иоанн Андреевич Боголюбов в 1884 г. пожертвовал 4 больших подсвечника к иконам и две хоругви. Преосвященный Вениамин II, епископ Оренбургский пожертвовал храмовую икону трех святителей в киоте с аналоем и облачением в день освящения храма 26 августа 1884 года. Смотритель Оренбургского Духовного училища, протоиерей Николай Сергеевич Сперанский ко дню освящения храма пожертвовал искусной столярной работы аналой к престолу с вышитым покрывалом. При этом супруга его Ольга Цезаревна и ее сестры много потрудились в шитье и вышивании различных церковных одеяний. Оренбургский купец Василий Васильевич Сафронов для поминовения покойной его жены пожертвовал 19 сентября 1891 года колокол в 3 пуда 35 Фунтов. Такие же 2 колокола пожертвованы были оренбургским мещанином и мещанкой. Оренбургский купец Николай Антонович Клюмп пожертвовал литейный сосуд. Первый ктитор семинарской церкви, офицер Оренбургского полка Вячеслав Иванович Билярский пожертвовал занавес на Царские Врата. Неизвестный благотворитель пожертвовал 50 рублей на устройство колокольни. Были жертвы от других неизвестных и известных лиц.

Освящение церкви совершил лично Преосвященный Вениамин с сослужении священства. По окончании освящения Преосвященный Вениамин совершил первую литургию, вслед за литургией состоялся акт открытия Оренбургской Духовной Семинарии в актовом зале, куда собрались все почетные лица города. Торжество открытия семинарских зданий закончилось хлебом-солью, предложенными ректором.

С первых дней своего существования семинария должна была носить особый, миссионерский характер. Наряду с другими предметами, обычными для семинарий, в круг семинарских наук было предложено ввести изучение татарского языка, арабского, обличение раскола и историю магометанства. Эти предметы были введены вместо уроков пения и гимнастики. Пению, как искусству, и физическим упражнениям воспитанники должны были обучаться ежедневно по 1/2 часа во внеклассное время. Ввиду воспитательного физического труда введено было ежедневное полчасовое

упражнение воспитанников в столярной мастерской и переплетных работах. В 5 и 6 классах преподавали медицину с привлечением воспитанников к уходу за больными под присмотром семинарского врача.

Оренбургская семинария приобрела особый тип. Указом от 17 сентября 1884 года Св. Синода преподавание столярных и переплетных работ отменено частично, обучение же французскому и немецкому языкам отменено вовсе.

Преподавание татарского языка начиналось с 1 класса и продолжалось вплоть до 4. Ученики изучали народный татарский язык, проходили всю его этимологию, грамматику и переводили нравственные книги на татарском языке. Также изучали этимологию и синтаксис арабского языка, языка религии и мусульманской учености.

С 4-го класса начиналось изучение истории магометанства вообще и история его в России в частности с этнографией тюркских племен. В 4 и 5 классах проходило обличение магометанства. Таким распределением учебного материала семинария основательно подготавливала из учеников миссионеров, обладающих всеми средствами борьбы с мусульманством, понимающих задачи русской противомусульманской миссии. Семинария примыкала к противомусульманскому отделению Казанской Духовной Академии, которая принимала участие в составлении и одобрении такого учебного плана.

В 1889 г. началось преподавание учения о расколе в 5 и 6 классах. Преподавание по этому предмету велось преимущественно практическим путем. В 5 классе ученики знакомилась с историей раскола вообще и раскола в Оренбургской епархии в частности. При изучении сектантства в 6 классе ученикам давались сведения о течениях и направлениях сектантских лжеучений, имеющих своих последователей в Оренбургской епархии: духоборов, молокан, штундистов и баптистов. Изучение раскола шло по уважаемым раскольниками старопечатным книгам.

Миссионерским приемам воспитанники приучались на публичных беседах, систематически проводимых в семинарии преподавателем. С первых дней существования семинарии наряду с другими общеобразовательными предметами введены были в ней уроки церковного пения, гимнастики и иконописи. Гимнастика и иконопись давались в свободное от занятий время. Иконописание являлось делом свободного избрания каждого ученика. Желавший рисовать изучал иконопись под

руководством опытного художника. В результате занятий по этому предмету семинария украсилась многими иконами работы художника и его учеников.

Семинария всячески старалась помочь малоуспевающим ученикам. Обращалось внимание на изучение учениками уроков и, в особенности, на их сочинения. Неисправных и ленивых учеников подвергали особому контролю. Малоспособным преподаватели нередко уделяли все свободное время. Для возбуждения особенного усердия, внимания и соревнования между воспитанниками в занятиях сочинениями по инициативе Преосвященного Макария введено было публичное чтение воспитанниками лучших сочинений. Преосвященный Макарий два раза в году, перед Рождеством Христовым и Пасхой, посещал эти чтения.

Чтения открывались и чередовались пением церковного хора семинаристов. Лучшие написавшие и прочитавшие (обращалось внимание на язык и произношение) свое сочинение тут же награждались Его Преосвященством брошюрами (проповедями).

Семинарское начальство стремилось дело воспитания поставить так, чтобы воспитанники меньше имели возможность предаваться праздности и запрещенным удовольствиям. Благодаря тому, что почти все воспитанники семинарии (за исключением тех, которые имели близких родственников в городе) жили в корпусе, семинарская инспекция с первых дней существования семинарии имела возможность внимательно следить за поведением воспитанников, подчиняя их постепенно утвердившемуся образу жизни.

С 6 до 7 часов утра воспитанники вставали и одевались. В 7 ч. утра — краткая утренняя молитва, после нее утренний чай, за ним до 8.30 шло повторение и приготовление уроков. В 8.30 ч. — общая полная утренняя молитва всех воспитанников, живущих в корпусе и приходящих. Молитва состояла из чтения и пения утренних молитвословий. Без четверти девять — начало уроков во всех классах. Урок — часовой, после каждого урока четверть часа перемена. В 11 ч. — завтрак. В полчаса второго оканчивались уроки, через четверть часа — обед. После обеда до 4-х часов (во все дни, кроме дней накануне праздников и в праздники) — время практических уроков по татарскому языку, отдыха, пения, живописи, музыки и занятий учеников 5 и 6 классов в образцовой школе. Свободные от занятий ученики выходили в семинарский двор, а весной и осенью — в сад, гуляли, играли в мяч и городки. Летом с разрешения семинарского начальства и под его наблюдением, в теплые дни ученики купались на Урале. Зимой специально купленными деревянными лопатами разгребали снег, расчищали дорожки, строили горы, заливали каток, и некоторые катались на коньках.

В то время, когда одни отдыхали, другие занимались музыкой. Хорошее начало пению и музыке положил в 1884 году учитель этого предмета, священник Григорий Дмитриевич Добросмыслов. Некоторые поступившие в семинарию умели играть на скрипке, гитаре, изредка на флейте. Главным препятствием в обучении музыкой было отсутствие инструментов и нечем было платить учителю, сами ученики и вовсе не имели на это средств. Сначала ректору удалось купить недорогое фортепиано. Это дало возможность 10-12 ученикам хорошо изучить ноты и довольно бойко играть. Скоро составился оркестр, привлечший внимание всех воспитанников. Недостаток чувствовался в инструментах, но в 1894 году Оренбургский общепархиальный съезд духовенства ассигновал для приобретения инструментов около 300 рублей, а учителю музыки дали постоянное годовое жалование из епархиальных средств в 120 рублей. Ученики настолько интересовались музыкой, что с удовольствием ради нее оставляли прогулки и всякий свободный час.

В получасовую перемену проводились уроки гимнастики под руководством опытного учителя. В 9 часов — ужин. После молитвы в 10 часов ложились спать, некоторые же занимались до II часов ночи.

Через 10 дней бывала для воспитанников баня, которую посещали они после обеда.

Накануне воскресных и праздничных дней в семинарской церкви в 5 часов вечера совершалось всенощное бдение, а в самое воскресенье и в праздничные дни в 9 часов утра — литургия. Все воспитанники принимали участие в чтении и пении, к которому предварительно готовились. Некоторые прислуживали в алтаре. Воспитанники 6 класса по очереди присутствовали в алтаре во время литургии, наблюдали со служебником в руках за порядком и чином совершения литургии.

Вся Страстная седмица посвящалась молитвам и посту, а также очистке и украшению семинарского храма и его принадлежностей. Желание придать своему храму особую торжественность заставляло учеников предлагать и жертвовать на праздничные украшения храма свои силы, копейки и свободное время.

Такая разнообразная жизнь семинаристов не оставляла времени на недозволенные развлечения и удовольствия.

О количестве и спектре преподаваемых предметов и высоком профессиональном уровне преподавателей можно судить, посмотрев личный состав начальствующих и преподавателей. Конечно, он менялся, но, к примеру, в юбилейный для семинарии 1894 год он был таким:

1. Ректор семинарии Феодор Алексеевич Дмитриевский, кандидат Казанской Духовной Академии 15 курса 1874 г., определен на должность 29 июня 1883 г.

2. Инспектор семинарии, статский советник Александр Яковлевич Зеведеев, кандидат Московской Духовной Академии выпуска 1874 г., определен на должность 26 апреля 1884 г.

3. Секретарь правления семинарии, коллежский советник Иван Иванович Григорьев, кандидат Санкт-Петербургской Духовной Академии выпуска 1884 г., он же — преподаватель словесности и истории литературы, определен на должность 16 апреля 1888 г.

4. Преподаватель Священного Писания, Надворный советник Василий Иванович Обухов, кандидат Казанской Духовной Академии 27 курса 1886 г., определен на должность 1 ноября 1892 г.

5. Преподаватель греческого языка, Надворный советник Николай Васильевич Беневоленский, кандидат Казанской Духовной Академии 28 курса 1887 г. определен на должность 16 апреля 1888 г.

6. Преподаватель латинского языка, Коллежский советник Стефан Стефанович Никольский, кандидат Московской Духовной Академии 64 курса 1885 года, определен на должность в 1884 г.

7. Преподаватель психологии, философии, логики и дидактики Сергей Гаврилович Сироткин, кандидат Казанской Духовной Академии 30 курса 1889 г., определен на должность в 1894 г.

8. Преподаватель математики и физики Прохор Александрович Прокопович, кандидат университета св. Владимира, определен на должность 2 декабря 1893 г.

9. Преподаватель гражданской всеобщей и русской истории, Надворный советник Николай Петрович Израильский, кандидат Казанской Духовной Академии 28 курса 1887 г., определен на должность 16 августа 1887 г.

10. Преподаватель библейский и церковной истории всеобщей и русской, Надворный советник Дмитрий Степанович Медведев, кандидат Киевской Духовной Академии курса 1886 г., определен на должность 16 августа 1888 г.

11. Преподаватель обличительного богословия и истории обличения русского раскола, Надворный советник Милий Иванович Головкин, кандидат Казанской Духовной Академии 29 курса 1888 г., определен на должность 1 мая 1889 г.

12. Преподаватель основного догматического и нравственного богословия Павел Васильевич Переверзев, кандидат Московской Духовной Академии 67 курса 1889 г., определен на должность 17 августа 1889 г.

13. Преподаватель литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей Василий Николаевич Попов, кандидат Казанской Духовной Академии 30 курса 1889 г., определен на должность 10 декабря 1892 г.

14. Преподаватель татарского и арабского языков, истории и обличения мусульманства, Надворный советник Александр Иванович Архангельский, магистр Казанской Духовной Академии 29 курса 1888 г., определен на должность 30 ноября 1889 г.

Духовник воспитанников семинарии священник Александр Михайлович Вознесенский, студент Уфимской Духовной семинарии. Эконом семинарии священник Григорий Дмитриевич Добросмыслов, студент Императорского Казанского Университета. Он же — учитель пения и музыки в семинарии.

Врач семинарии, Надворный советник Константин Николаевич Архангельский, определен на должность с 1884 г. Учитель гимнастики Антон Макарович Дорман, определен на должность с 1884 г.

При семинарии была фундаментальная библиотека. Начало ей положил в 1884 году кафедральный протоиерей города Казани Виктор Петрович Вишневский своим вкладом в 346 книг. Второе пожертвование в том же году было от ректора Казанской Духовной Академии протоиерея Александра Поликарповича Владимирского в виде издания «Православного Собеседника» со всеми приложениями от первого года издания по 1884 год. Большой вклад в библиотеку сделал профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Иван Егорович Троицкий. Были и другие пожертвования: от Его Превосходительства господина директора Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Феофила Матвеевича Самоцвет поступило в 1885 г. 150 татарских книг. Благодаря таким пожертвованиям и другим источникам в 1894 году библиотека имела 2491 наименование книг, 3343 тома и 2088 томов периодических изданий. Кроме этих книг, образовавших собою фундаментальную библиотеку, были противораскольничьи книги и противомусульманские. В духовной семинарии с национальной тюркоязычной литературой знакомились для миссионерских целей «среди иноверцев края». Для этого в фонд приобретались «сочинения не только по языковедению, но и по истории ислама, этнографии, истории христианской миссии и обличению ислама.

Организация библиотечного обслуживания пользователей Оренбургской духовной семинарии определялись правилами пользования, разработанными особой комиссией под председательством инспектора духовной семинарии в конце 1888 г.

Основными источниками комплектования библиотеки служили Синодальная типография, книжные магазины Москвы, Петербурга, Казани, Оренбурга.

В 1912 – 13 учебном году совокупный фонд библиотеки семинарии включал 17198 экземпляров. 8 % составляли книги противомусульманской библиотеки.

Библиотека семинарии содействовала учебному процессу в подготовке священнослужителей для работы с полиэтническим и поликонфессиональным населением региона. Христианизация нерусских и неправославных народов в регионе являлась важным критерием комплектования фонда библиотеки Оренбургской духовной семинарии. В книжном собрании была представлена литература,

критикующая основные положения ислама, направленная на утверждение ценностей православия, воспитания истинного христианина.

Средства на содержание библиотеки были частично казенные, частично епархиальные. На пожертвования учеников и случайные средства с 1884 года была заведена ученическая библиотека. С 1888 года на ее содержание отпускалось от духовенства Оренбургской епархии по 100 рублей ежегодно. Для приобретения учебников ученики делали взносы по 5 рублей с человека за каждый учебный год. В среднем на учебники с учеников собиралось в год до 800 рублей.

С открытия семинарии начальству предстояли и хозяйственные заботы: обставить помещение, купить посуду в столовую, оснастить канцелярию, жилые и спальные помещения и т.д. Большая часть приобретенных и устроенных для различных семинарских помещений предметов отличались прочностью материала, целесообразностью назначения, а некоторые и изяществом внешней отделки.

В актовом зале помешался всемилостивейше пожалованный семинарии Государем Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем в память посещения Его Императорским Высочеством города Оренбурга в 1891 году большой фотографический портрет с собственноручной надписью «НИКОЛАЙ. 1891 г.»

Заботилось начальство о приобретении необходимых предметов в домовую церковь семинарии. Средства на это были большей частью из семинарских сумм, а еще большие доходы от самой церкви и пожертвований.

Для выезда и хозяйственных работ семинария имела трех лошадей, экипажи и полную сбрую.

Отсутствие водопровода доставляло много трудностей. Разведенный было сад чах от недостатка воды в таком климате, как оренбургский. В 1889 году на экономические средства семинарское правление приступило к строительству водопровода. После его устройства принялись за сад. Ежегодно правлением семинарии приобретались несколько сот кореньев, преимущественно тополя и акации, и рассаживались по семинарскому саду и двору. Некоторая часть их принялась. Для внеклассных занятий воспитанников в летнее время в семинарском саду в 1890 году устроена деревянная крытая галерея, в которой стояли столы и скамьи; диваны и скамьи устроены и по аллеям сада.

При устройстве водопровода и разведения сада очень помогал блюститель семинарии по хозяйству, потомственный почетный гражданин Степан Ефимович Мякинков.

С 30 января 1889 года при семинарии открылась образцовая начальная школа, согласно определению Св. Синода от 1889 года она была устроена по типу двухклассной церковно-приходской школы. Здание ее находилось во дворе семинарии и состояло из шести комнат. Главное управление делами школы принадлежало ректору семинарии, руководство учебными занятиями возлагалось на преподавателя дидактики, хозяйственная часть школы находилась в ведении распорядительного собрания правления Семинарии.

При открытии школы было принято 96 учеников. По сословиям это были: 58 детей казаков, 20 — мещан, 10 — солдат, 5 — чиновников, 3 — духовного звания. Впоследствии число учеников еще больше возросло. Если в начале работы школы в ней было 2 отделения: младшее (совсем безграмотные дети) и старшее (постигшие азы грамоты), то в 1895 году их было пять.

Так как ученики школы принадлежали большей частью к бедным слоям населения, то несколько человек ежегодно выбывало из школы в середине зимы и в весеннюю распутицу за неимением одежды и обуви. Училищный Совет Оренбургской епархии из своих сумм отпускал деньги в помощь беднейшим ученикам. Сами воспитанники собирали вещи из своей одежды для раздачи ученикам образцовой школы.

Все ученики школы были обязаны посещать богослужения наравне с семинаристами. Из наиболее способных к пению учеников был образован хор.

В 1894 году семинария скромно праздновала свое десятилетие. Молитвой встретили этот дорогой для семинарии день. Накануне, 26 августа, вечером в семинарской церкви было отслужено всенощное бдение, а утром — литургия с молебном. По окончании ее все преподаватели семинарии вместе с гостями были приглашены ректором в семинарскую квартиру. Прошлое семинарии заставило подумать собравшихся о настоящем, заглянуть в будущее. В выступлении ректора семинарии, протоиерея Феодора Дмитриевского в этот день были такие слова: «...Боже, Беспредельный в могуществе и благодати, в наказании и помиловании! Мы страшимся праведного гнева Твоего и прибегаем к Твоему милосердию. Не скрывай от нас щедроты благодати Твоей, какие Ты изливал на нас в течение истекшего десятилетия. Благослови всех нам небесным Своим благословением на новое десятилетие...»

29 июня 1908 года исполнилось 25-летие служения в должности ректора семинарии протоиерея Феодора Алексеевича Дмитриевского, а 26 августа 1908 г. - 25-летие семинарии.

Устройство чествования ректора поручили специальной комиссии. Она позаботилась о сооружении для семинарского храма иконы трех святителей на добровольные пожертвования всех обучающихся и вообще всего духовенства Оренбургской епархии; желая увековечить плодотворное служение ректора, протоиерея Ф. А. Дмитриевского и бывшего инспектора А. Я. Зеведеева, выразили желание учредить при Духовной семинарии одной или двух стипендий имени юбиляров.

Накануне юбилея, 30 августа, в семинарском храме сонмом городского и епархиального духовенства во главе с юбиляром было совершено всенощное бдение, а на другой день

Его Преосвященством в сослужении юбиляра, городского и епархиального духовенства при пении семинарского хора совершена литургия и благодарственный молебен. Обширный семинарский храм был переполнен молящимися.

В 12 часов дня в актовом зале семинарии в присутствии владыки, представителей духовенства, корпораций местных духовно-учебных заведений, питомцев семинарии, воспитанниц Епархиального училища и лиц светского общества началось торжественное чествование юбиляра.

Ректор выслушал слова приветствия и поздравлений от Преосвященного архипастыря, от лиц епархиального духовенства и корпорации Семинарии. В ответной речи он сказал: «Я не привык ни мечтать, ни желать чего-либо большего против того, что имею. Сохрани, Господи, для меня только то, что я уже имею и на то время, пока это нужно для близких мне. Я чувствую себя подавленным обилием похвал. От них мне так же тяжело, как тяжело бывает преступнику на суде от сыплющихся на него обвинений со стороны судей». Этих нескольких фраз вполне достаточно для того, чтобы убедиться, насколько хороша и как прекрасна была душа этого скромного человека и честного труженика. После поздравлений, владыка возложил на коленопреклоненного юбиляра поднесенный от семинарской корпорации наперсный крест. Затем семинарским хором было пропето многолетие юбиляру и концерт «Тебе Бога хвалим». Поздравления ректору пришли из Москвы, Казани, Юрьева, Владикавказа, Уфы, Челябинска, Троицка, Верхнеуральска, Уральска и из многих других мест.

Должность ректора Оренбургской Духовной Семинарии Феодор Алексеевич Дмитровский занимал в течение 28 лет. В ночь с 23 на 24 июля 1911 он мирно отошел ко Господу. Более 1000 бывших воспитанников покойного ректора, живущих в разных концах отечества, с искренним чувством сожаления услышали печальную весть о смерти этого замечательного по способностям и педагогическому опыту и такту начальника-педагога и редкого по личным качествам человека. Именно им был выбран тот особый план постановки учебного дела в Оренбургской семинарии, при котором она, сохраняя у себя все учебные предметы семинарского курса вообще, получила и носила, оригинальный миссионерский характер. Панихиды по новопреставленному отцу Феодоре совершались ежедневно.

25 июля в 5 часов вечера тело покойного перенесено было в семинарский храм, где 27 июля Его Преосвященством Преосвященнейшим Феодосией, епископом Оренбургским и Тургайским, в сослужении сонма городского духовенства при пении монастырского хора была совершена заупокойная литургия и отпевание. Гроб покойного до самой могилы на

монастырском кладбище Успенского женского монастыря несли на руках священнослужители, большей частью бывшие ученики ректора, отца Феодора.

Новым ректором семинарии был назначен протоиерей Иосиф Павлович Кречетович.

Жизнь семинарии идет своим чередом: неизменно закрытие и открытие учебного года проходят с большой торжественностью, как и прежде организовываются литературно-музыкальные вечера в семинарии. И ни воспитанники, ни преподаватели еще не знают, что вскоре их ожидают скитания по обескровленному городу в поисках помещения для учебы.

В 1914 году не раз спасаемая Россией Германия объявляет ей войну.

На жизни семинарии не могли не отразиться события, которые происходили в жизни русского народа и его настроения. В широком русле могучего течения великих чувств великого народа шла и семинария. Ректор обещал поддержать постановление Педагогического собрания об открытии в верхнем этаже образцовой школы при семинарии лазарета для легкораненых и больных воинов. Лазарет предполагалось открыть под наблюдением семинарского врача и фельдшера. Семинаристы могли бы работать в нем братьями милосердия. Семинарское начальство согласно было дежурных по лазарету освободить от занятий. В действительности вышло не так, как предполагало правление семинарии. Если желание семинарии открыть лазарет можно назвать «жертвой обществу», то в конечном итоге сама семинария стала «жертвой».

Расскажем о событии, происходившем каждый год, но в те военные времена бывшем для всей Оренбургской епархии большим утешением и источником сил. 16 октября Оренбургская семинария торжественно принимала у себя Табынскую икону Божией Матери. Воспитанники семинарии, педагогический состав, многочисленные посетители семинарского храма слишком свыклись с торжественным богослужением, установленным в этот день праздника в семинарском храме. Оставляя свои обычные учебные занятия в этот день из года в год, Семинария вещала всему миру насколько в ней жив дух религиозного воодушевления и как свято хранятся ею исконные начала православного богослужения. В этот раз было нечто особенное. Утром во время пения кондака «О, Всепетая Мати...» и молитвы «О, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице!..» все, как один, стали на колени. Вечером, когда икону начали уносить, одна богомолка упала на колени — и весь храм огласился плачем. Слезы умиления не

прекращались до самого выхода из Семинарии. А когда вышли, в чистом морозном воздухе раздалось громкое всеобщее «Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго!...» Высоко сиял электрическими огнями крест над семинарией, ярко освещая многолюдный Крестный ход из семинарии в Епархиальное женское училище.

С того времени, как начались серьезные бои, раненные в большом количестве стали прибывать в Оренбург. Подходящего помещения им не находилось, и решили под военный госпиталь занять помещение семинарии. С 28 января 1915 года там разместились два эвакуационных госпиталя: № 123 (наверху — для военнопленных) и № 124 (сначала тоже для военнопленных, а потом, с лета 1916 года, для русских раненных). Благодаря настойчивости ректора, протоиерея Иосифа Кречетовича город стал выдавать правлению семинарии, в виде пособия распущенным по квартирам семинаристам, по 2000 рублей в месяц. Воспитанники разместились по квартирам, а классы были устроены в пансионе мужской гимназии (на Николаевской улице). Летом 1915 года, вследствие увеличившегося спроса на офицеров в армии, в Оренбурге была открыта школа прапорщиков. Под нее было занято здание мужской гимназии и ее пансион, т. е. то помещение, где с февраля по апрель 1915 года происходили уроки семинаристов. Поэтому с начала 1915 -1916 учебного года семинарские уроки были перенесены в здание Епархиального женского училища. В то время произошли серьезные перемены. Были переведены со своих должностей ректор, протоиерей Кречетович и инспектор Ф. Гаврилов, о переводе последнего семинаристы особенно сожалели, тогда как первому были даже рады. На место инспектора к ним был переведен из Черниговской Духовной семинарии Н. М. Чернавский, бывший питомец Оренбургской семинарии, а ректором был назначен монах, архимандрит Варлаам.

В конце февраля 1917 года по городу стали ходить слухи о государственном перевороте в Петрограде, довольно смутные и противоречивые, 2-го марта, после полудня стало уже определенно известно о происшедшем перевороте, о чем сначала появились аншлаги в редакциях местных газет, а потом, около 6 часов вечера, выпущены были экстренные телеграммы. Весть быстро облетела весь город, и Николаевская улица оказалась буквально запруженной массаами ликующего народа. В тот же день, в 9 часов вечера, состоялось многолюдное заседание Оренбургской Городской Думы, признавшей Правительство и пославшей ему приветствие. 4-го марта, в субботу, в Оренбурге был получен манифест об отречении Николая II от престола, а к вечеру того же дня и об отказе Великого Князя Михаила Алексеевича вступить на царство без воли Учредительного Собрания.

Совершившийся в России великий государственный переворот застал оренбургское духовенство, как и все русское общество, почти врасплох. В связи с отречением Николая II владыка поручил Консistorии сделать объявления причтам всех городских церквей о

возношении на ектеньях и многолетствия вместо «Царствующего Дома» — «Богохранимой Державы Российской».

В этом году экзамены не проводились, вместо них были репетиции по всем предметам. В сентябре 1917 года семинария, набрав 260 воспитанников, начала занятия в здании Епархиального женского училища, в первую смену. Никаких перемен в составе правления не произошло. Необходимо было где-то разместить учеников. Квартиру найти было не просто, да и стоила она очень дорого. Начальствующие лица в семинарии часть учеников поселили в своих квартирах (50-55 человек), беря с них по 5 рублей на дрова и керосин. Кроме того, для сирот и бедных воспитанников были отведены бесплатно помещения в нижнем этаже (8 человек), при лазарете (12 человек) и в Семеновском доме (40 человек).

Кушать семинаристам приходилось в дешевых столовых на 25-30 рублей в месяц, те, что жили в Семеновском доме сами готовили себе пищу.

Наступает октябрь 1917 года, а с ним и та невиданная и великая катастрофа, которую так ждали большевики. Советская власть в Оренбурге установилась не сразу, ей пришлось не один раз повоевать за право быть хозяевами в этом городе.

Около половины ноября 1917 года, когда Оренбург подвергался опасности захвата власти и нашествия большевиков, когда ожидалось эксцессы и столкновения между большевиками и казаками, воспитанники семинарии из числа добровольцев около двух недель охраняли здание Епархиального училища и несли здесь вооруженный караул по ночам.

Для защиты города в Оренбург прибывает 4-й запасной казачий полк Оренбургского Казачьего Войска. Вторую и четвертую сотню полка разместили в здании семинарии, а 124-й госпиталь был закрыт: война фактически прекратилась. Для потребности казачьего полка на семинарском дворе в саду были устроены спешно тогда же обширные конюшни. Городская Управа с 1-го декабря, ввиду закрытия одного госпиталя, стала платить семинарии только 1000 руб. в месяц. В декабре и второй госпиталь № 123 был свернут и временно прикрыт. Казачьи сотни по особым обстоятельствам были расформированы, и перед самыми святками все казаки из 4-го Запасного казачьего полка уехали.

Даже в такой обстановке семинария продолжает функционировать. В конце декабря она чуть было не лишилась квартир в семеновском доме. Епархиальное Попечительство о бедных духовного звания сообщило о крайней убыточности для него содержания этого дома и постановило: освободить в нем квартиры, занимаемые семинаристами. Церковный Епархиальный Совет, ссылаясь на постановление 18-го Епархиального Съезда, сохранил квартиры за семинарией, предложив Попечительству деньги для покрытия дефицита взять из богодельнического фонда. Эта беда оказалась поправимой, настоящие беды у семинарии начались с приходом в город красных.

Задержать наступление большевиков не удалось, и 17-го января 1918 года они вступили в город.

Казачи спешно очистили здание семинарии, и оно оказалось пустым. 18 января с 10 часов утра его осмотрели большевики и, прихватив с собой печатную машинку казачьего полка, ушли, по-видимому, не собираясь занимать здание семинарии. Не заняла его и семинария: с декабря 1917 года до февраля 1918 года воспитанники были отпущены домой. Причиной для этого послужило не только тревожное настроение среди народа из-за царящей в стране анархии и вспышек гражданской междоусобной войны, но и растущая дороговизна на предметы первой необходимости, которые порой нельзя было даже достать. Епархиальное женское училище, в котором поочередно с семинаристами проходили уроки епархиалок, также сделало перерыв в занятиях, причем отопление здания прекращалось. Сама семинария не могла взять на себя отопление помещений, у нее не было на это средств, поэтому на этот же срок отпустили и семинаристов, дав им на дом устные и письменные задания. Большая часть воспитанников, воспользовавшись двухмесячным отпуском, разъехалась по домам. В общежитии семинарии остались 8 человек.

С 1 февраля 1918 года занятия начались в самом здании семинарии. Всего собралось две трети воспитанников.

11 марта состоялось совещание Комитета корпорации духовных учебных заведений. Собравшиеся отлично понимали, что авторитетной защиты у них нет, и вслед за отказом принять предложение Комитета по народному образованию может последовать реквизиция зданий. Поэтому было решено: в целях сохранения духовных учебных заведений, признать постановление Педагогического комитета обязательным к исполнению для всех местных духовных учебных заведений. Преосвященный Мефодий,

которому было доложено об этом решении, принципиально согласился с ним, передав его на окончательное рассмотрение в Церковный Епархиальный Совет.

Представителями от Педагогического Комитета в Педагогический Совет Семинарии были назначены директор учительского института В. Ф. Карпов и директор войсковой гимназии Н. Д. Чесноков, которые впредь должны были участвовать в заседаниях педагогического совета семинарии. Ректора и инспектора надо было переизбрать.

10 мая к инспектору семинарии прибыл зав.внешкольным образованием при Городском Комиссариате Н. В. Попов и председатель Оренбургской Ученой Комиссии А. В. Попов и заявили, что они командированы для реквизиции некоторых книг из семинарских книгохранилищ с передачей их, с одной стороны, в библиотеку архивной комиссии, а с другой — для музея по отделу искусства при Комиссариате. Прибывшие предъявили мандат Оренбургского Губернского Комиссариата за № 408 о предоставлении им полномочия «произвести учет и опись книжных и музейных богатств, находящихся в библиотеках Духовной семинарии, для их реквизиции и помещения в музей Оренбургского края». Инспектор Семинарии показал библиотеки, причем они именем советской власти потребовали тогда же передать им ключи от библиотек. Инспектор сказал, что это не в его власти. Взяв на просмотр каталоги, Поповы ушли.

В качестве мотивов к такому принудительному требованию книг выставлялось благовидное желание сохранить их от возможного расхищения, ведь здание семинарии могли занять большевики. Советская власть же предполагала образовать одну общую и центральную библиотеку при архивной комиссии наподобие публичной библиотеки в Петрограде. В будущую библиотеку решили якобы собрать все ценные книги из всех городских и частных библиотек путем их реквизиции. Семинарские библиотеки тем более надо было реквизировать, потому что среди членов Комиссариата высказывалась мысль о совершенном закрытии семинарии с передачей здания ее под высшую вольную школу.

На первом заседании педагогического совета семинарии было решено взять на себя охрану библиотеки, для чего решили замуровать на каникулы входы в библиотеку с целью предохранить ее от пожара и возможных хищений.

Однако лишь только заседание кончилось, как в тот же день явился Н. В. Попов и предъявил администрации семинарии мандат от Губернского Комиссариата Народного

Просвещения за № 419 о том, что все библиотеки семинарии «переходят под ближайший и непосредственный контроль Комиссариата и в его ведение». Н. В. Попов, повысив тон, в требовательной форме заявил, что он не позволит замуровывать библиотеку, а в случае дальнейшего отказа и сопротивления реквизиции применит силу. Администрации пришлось подчиниться ультимативному требованию агента предрержащей власти. Немедленно оба Поповых вошли в библиотеку и, вынося книги, стали складывать их на готовую подводку. Брали наиболее ценные книги. Но это только вначале, потом у «непрощенных благодетелей», как их прозвали в семинарии, аппетит настолько разыгрался, что они решили взять и вывезти из семинарии всю библиотеку со всеми шкафами и разным прочим семинарским имуществом, поставленным на время в библиотечное помещение. Надо сказать, что шкафы в библиотеке были устроены фундаментальные во всю стену, с прибитыми к стене балками. Но все это было оторвано, разбито и частью повреждено. Богатейшее книжное имущество семинарии, а также находившиеся там картины, музейные сокровища, диваны, мягкая и венская мебель — все это было увезено, большею частью в помещение бывшей гауптвахты, переданной большевиками под архивную комиссию, а также в кладовые реального училища, склады Городской Управы и частично (наиболее ценные книги и уники) на квартиры Поповых. Нет нужды добавлять, что при этой перевозке не обошлось без потерь и расхищения.

28 мая 1918 года местными властями было предложено очистить все здание Духовной семинарии для нужд Красной Армии. Это не означало закрытие семинарии вообще, но здания своего она лишилась; оно переходило в ведение Совета городского хозяйства. В силу этого распоряжения весь административный персонал, преподаватели и молодые служащие должны были выселиться на квартиры. Часть преподавателей поместилась в здании школы Белого Креста: по случаю каникул оно пустовало. Некоторые разместились в Духовном училище, другие — на частных квартирах. Младшие служащие — швейцар, рассыльный и другие, заняли верхний этаж Семеновского дома, где размещалось общежитие семинаристов.

Городское хозяйство не стало медлить и прибрало к рукам последнюю учебную библиотеку семинарии, собранную из книг и учебников, приобретаемых на 5-ти рублевые взносы воспитанников. 1 июня 1918 года секретарь Комиссариата по народному образованию Шишкин, предъявив заведующему библиотекой о. Крешановскому ордер Совета городского хозяйства за № 317, потребовал передать ее городу. Последний на предъявленном ордере надписал, что «ввиду ультимативности требований со стороны Совета городского хозяйства, в ведение которого перешла Духовная семинария, нахожусь вынужденным передать библиотеку городу с просьбой сохранить достояние ее для нашей будущей школы». Ректору семинарии действия инспектора Шишкина показались неправомочными и он заявил протест в педагогический совет; но протест архимандрита Варлаама признан был неосновательным, так как требование о допущении в учебную библиотеку со стороны Совета городского хозяйства сделано было в безусловно

ультимативной форме. А надо было только знать сколько-нибудь характер Советской власти, чтобы понять, что всякое сопротивление ее подобным распоряжениям было бесполезно и вело лишь к худшим последствиям, например, к закрытию семинарии. Таким образом семинария лишилась и своих библиотек и своего здания.

Все это время под Бузулуком шли бои большевиков с войсками казаков и чехословаков. Когда местные власти поняли, что их положение безвыходно, то начали спешно готовиться к отъезду из Оренбурга. Из банков выбирались вклады советских учреждений; грузили снаряды, оружие и предметы первой необходимости. Было принято окончательное решение об оставлении города без боя. На станцию были вывезены огромные запасы муки, сахара, кожи, амуниции и прочее. Обозы во всякого рода грузами тянулись к вокзалу целыми вереницами. Около 9 часов вечера 19 июня 1918 года последний поезд с большевиками покинул станцию Оренбург, и приблизительно в то же время вошли в Форштадт со стороны Нежинского поселка первые отряды казаков. Население радостно приветствовало их, как своих избавителей. В 8 часов утра улицы были полны народом, как в праздник. Целый день 20 числа толпы людей не расходились. Занятия нигде не проводились. Вступив и заняв город Оренбург, начальник отряда Оренбургского Казачьего Войска полковник Пичугин призвал жителей города соблюдать полнейшее спокойствие и во всех учреждениях и предприятиях продолжать и не прерывать занятий. По желанию граждан Оренбурга в воскресенье 24 июня был совершен торжественный крестный ход на Форштадтскую площадь и молебен об установлении мира и спокойствия в измученном большевистской властью городе. Первоначально крестные ходы из городских церквей собрались к кафедральному собору, где литургию совершал Преосвященнейший Мефодий. По окончании богослужения в соборе был совершен общий крестный ход с пением священных песнопений по Николаевской и Неплюевской улицам. В шествии принимали участие многие тысячи народа. Огромная площадь буквально была залита народом. По окончании молебна выстроенные войска были окроплены святой водой.

Город зажил прежней жизнью. В Оренбургских духовных учебных заведениях были восстановлены правления, действующие на основании уставов духовно-учебных заведений. Действовавшие при большевиках педагогические советы прекратили свою деятельность, передав власть правлениям. В Духовной семинарии 7 июля происходило первое, после почти трехмесячного перерыва, заседание педагогического собрания правления под председательством Н. М. Чернавского, назначенного Его Преосвященством исполняющим дела ректора. На этом заседании был избран на должность инспектора преподаватель А. В. Доброхотов. Ректор семинарии архимандрит Варлаам, согласно резолюции Его Преосвященства, в исполнение своих обязанностей должен был вступить после особой ревизии.

Объединенное собрание правлений духовных учебных заведений Оренбурга постановило с 1 сентября 1918 года начать занятия, произведя приемные испытания, переэкзаменовки 26-31 августа. Затем, ввиду крайнего недостатка топлива и ограниченности средств, придется сделать перерыв в учебе с 15 ноября по 15 марта 1919 г., закончив учебный год не ранее июля месяца и перенеся его вообще на более теплый период учебного сезона. Положение учебных заведений было настолько тяжелым, что учащиеся, желающих воспользоваться пансионом, собрание правлений трех духовно-учебных заведений обязало привезти с собой провизию из дома из расчета по 1,5 пуда муки и 5 фунтов крупы в месяц с человека, а также 3 фунта масла и 2 фунта сала за каждое полугодие. Будущим семинаристам надо было позаботиться о столовых и постельных принадлежностях. Все то небольшое количество этих вещей, имеющееся у семинарии, было отдано девяти воспитанникам-сиротам. Содержание пансионата, таким образом, обходилось в 100 рублей в месяц. Неисполнившие всех вышесказанных условий без уважительных причин могли быть не приняты в пансион при духовно-учебных заведениях.

На тот момент Семинария не располагала и помещением для занятий. Вопреки приказу Комитета Учредительного Собрания за № 151, и без всякого ведома духовной власти, здание Духовной семинарии занималось под постой 20-го Оренбургского Стрелкового полка.

Правление семинарии предполагало занятия вести опять в здании Епархиального училища. Общежитие для воспитанников решили устроить в здании образцовой школы, которая, кстати сказать, не работала уже 4 года, очистив ее от воспитательских квартир. Части квартиры ректора и одного из преподавателей в главном здании тоже отдавались под общежитие.

Но у семинарии не было самого необходимого — учебников и книг. Семинария потребовала от председателя архивной комиссии А. В. Попова вернуть ей обратно библиотечное имущество. А. В. Попов разрешил его забрать, но потребовал от лица архивной комиссии возмещения расходов по перевозке книг, которые якобы были сбережены от расхищения воинскими частями большевиков, занявших семинарию 29 мая 1918 года. Это была, конечно, сознательная неправда и лицемерие. Попов, видимо, забыл, как он ранее, не опасаясь перемены власти, заявил, что он ни за что не отдаст таких ценных и редких сокровищ, какие ему пришлось найти в семинарской библиотеке, и что семинария может только перешагнуть «через его труп» к ним.

Требовать возмещения тысячных расходов по обратной доставке книг и имущества, по

установке шкафов, сильно поломанных, на свое место, а также и по выписке вновь книг, утраченных и похищенных при перевозке, могла только семинария. Некоторые из старинных книг библиотеки являлись библиографической редкостью, и утрата их не могла быть никак возмещена.

Проблем у семинарии было множество, но на первом месте стояла финансовая. Духовная семинария уже заимствовала себе ссуду из епархиальных источников, но если ей не будут даны соответствующие средства из казны, она должна будет прикрыться, как прикрыта была Богодуховская миссионерская второклассная школа на Маяке, и грозило закрытие Пастырской школы при Архиерейском доме. Представленная в особую финансовую комиссию смета на новое, увеличенное соответственно потребности содержание Духовной семинарии в сумме 226,818 рублей вместо прежних 38,159 рублей за текущее II-е полугодие 1918 года финансовой комиссией была, отклонена. Епархиальное Собрание серьезно обсуждало вопрос: «Взять ли на свои плечи содержание семинарии или же отдать ее в ведомство народного просвещения, или Казачьему Правительству? »

Но все это не мешало Правлению семинарии в первую очередь заботиться о своих воспитанниках. Инспектор семинарии предлагает создать ученическую ссудо-сберегательную кассу для воспитанников, из которой они могли бы заимствовать небольшие суммы от 3 до 5 рублей, в особых случаях от 10 до 25 рублей, а в исключительных до 30-50 рублей. У семинаристов иногда возникала острая нужда в деньгах на починку, на баню или на дорогу. Обычно в таких случаях деньги старались занять у товарищей, классных воспитателей или инспекции, но находили не всегда. Подобная ссуда могла оказать материальную поддержку ученикам. Правление семинарии к идее создания подобной кассы отнеслось сочувственно и обратилось в Епархиальное Собрание об ассигновании 2000 рублей в фонд ученической кассы.

В конце сентября Епархиальное Собрание постановило, чтобы жизнь учебных заведений не прекращалась для тех учащихся, кто мог содержать себя на свои собственные средства, на неотложные нужды ассигновать авансом Духовной семинарии 10 тыс. руб. В это время новый корпус Епархиального училища был отдан под высшую вольную школу (кроме Церкви) на самых выгодных условиях на три года. Духовную семинарию перевели в здание Духовного училища, где предоставили ей для занятий во 2-ю смену пять классных комнат наверху, учительскую комнату и церковь для занятий шестого класса, в котором имелись только вольнослушатели.

Чтобы хоть как-нибудь помочь своим воспитанникам приспособиться в дальнейшем к

действительности, Правление семинарии решило в декабре начать обучать их сапожному делу. Желающих набралось 70 человек, а Михаило-Архангельское братство дало семинарии ссуду на приобретение необходимых материалов и вознаграждение преподавателям.

Семинария пытается сохранить спокойствие, которое потеряла страна и, в частности, город. Удалилась та опора самодержавия, на которой держалась организация власти и жизни в России. Разрушилась эта опора, и под ногами прежней организации открылась зияющая бездна, вселяющая ужас и отчаяние. Ясно чувствовалось, что весь веками налаживающийся строй не имеет под собой почвы. По вечерам до самой глубокой полночи Оренбург оглашался пьяными песнями запоздалых посетителей кабаков и ресторанов, которые наводили суеверный страх на мирных обывателей. Атаман Дутов, не один раз обращавшийся к военным и гражданским лицам города с призывами прекратить пьянки и кутежи, в конце января принимает очень строгие меры для «отрезвления граждан». С 17 января каждый пьяный, замеченный на улице, мог быть выпорот, невзирая на сословие и благосостояние. Офицер мог быть разжалован в рядовые. Катание на тройках без особого разрешения грозило штрафом в 3000 рублей, как и вообще использование лошадей в своих личных целях. С этого времени все рестораны, кафе, чайные, кабаки и прочие увеселительные заведения должны были закрываться с 11 часов вечера. «Когда вокруг города, — говорил Дутов, — льется священная кровь защитников родины, не допустимы пьянство и роскошь».

Оставались буквально считанные дни до захвата власти в городе большевиками. 20 января они пришли в Оренбург вновь и уже окончательно. С установлением Советской власти приняли силу ее прежние постановления. Семинарское здание опять переходит в ведомство городского хозяйства, а сама семинария прикрывается. Судить об этом можно только косвенно, так как документов об этом в Областном архиве нет, а в местной печати того периода никаких сообщений о семинарии не имеется.

В 1920 году декретом ВЦИК и СНК была образована Киргизская АССР, так первоначально называлась Казахская республика, и Оренбург более чем на четыре года стал ее столицей. В этот период здание бывшей Духовной семинарии занимали краевые организации КАССР. В 1924 году Оренбургская губерния выделилась в самостоятельную, но казахские организации еще долго оставались в городе. 13 июля 1925 года Президиум ВЦИК здание бывшей Духовной семинарии закрепил за краевыми организациями КАССР. Здание оставалось в пользовании последних без взимания особой платы за помещение, но с обязательством Казахстана поддерживать и сохранять его в исправности до тех пор, пока оно занималось организацией. В семинарии был размещен зоотехникум, а после выезда его в Алма-Ату здание семинарии занял Педагогический Институт Народного Образования, оставив за собой и прежде

занимаемое здание. По постановлению ВЦИК РСФСР от 1 сентября 1926 года здание бывшей Духовной семинарии в числе других было отдано военному ведомству.

Здания с 15 мая 1928 года должны были ремонтироваться и перестраиваться для размещения в них школы военного боя, переведенной из Серпухова, ставшей впоследствии Военным Авиационным училищем летчиков. В 90-х годах двадцатого столетия училище было расформировано, помещения его заняла выведенная из Прибалтики Военно-Транспортная дивизия. На сегодняшний момент на базе Военно-патриотической Школы Космонавтов создан Кадетский корпус.

